

ЧУДО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ НА ГОРКАХ РАЗНОЦВЕТНЫХ

Происхождение этой иконы Чуда святого Георгия о змие, находящейся в Третьяковской галерее, относится специалистами к Новгороду середины 14 века. Станем ли вновь пытаться разгадать нюансы иконографического извода из хитросплетений исторических обстоятельств вероятного временного периода и предполагаемого места создания иконы? Это занятие не представляется достаточно продуктивным, но отложиться от него вовсе будет едва ли верно.

Рассматривая этот образ, вновь доверимся личным ощущениям, доверяя им несколько больше, чем допустимо бы благоразумием. Образ нравится всё более по мере рассматривания его. Светлые, открытые тона, оттенки тёплых цветов основного фона и горок позёма будто собираются в единое композиционное целое грациозной фигурой чёрного коня и всадника, опять же, не относящегося ни к одному из видимых изобразительных планов. Некоторая цветовая конфликтность фонов уравнивается и успокаивается доминирующей чёрной фигурой в центре иконного ковчега. Сам же цветовой конфликт фонов, быть может, небезосновательно можно отнести к символике онтологической парадигмы противостояния, охватывающего мир тварный как внутри его, так и во взаимоотношении с миром Божиим. Вывести рассмотренную внутреннюю конфликтность, напряжение цвета иконы – через надуманный символизм изображённого – к историческим параллелям достаточно просто: в любую эпоху едва ли найдём затяжные периоды благостной упокоенности. Разве что перед очередным разгулом бурлящих стихий мира сего. Так и середина 14-го века в Новгороде – совершенно свободна от благостного, немятежного, ламинарно текучего времени. Конфликты перемежаются один с другим, перехлёстывают через край в чаше новгородской республики. Противостояние с Москвой, Литвой, Смоленском, Полоцком, Швецией, Данией... Отстаивание целостности и самости в пределах подконтрольных земель, предмета интересов столь же амбиционных соседей. Мучительные метания в отложении от формирующегося русского целого, испытания общерусского достоинства в тигле жертвенной куликовской крови... Да мало ли нестроений и трагизма земного, дающего повод изобразить обиталище змия в чёрной норе горки охристо-золотого цвета, а пронзённую пасть змиеву – на фоне охры, почти порфирикового отлива. И змий вьющийся соединяет эти пространства, и конь вороной, грациозный. Не станем повторять сказанное прежде о иных изводах этого образа, но будем обращать внимание и высказывания лишь к подмеченным особенностям.

Лузга иконы – повал от поля в ковчег покрыты киноварью, будто рамой отсекают ковчег от поля, словно бы не допуская никакой части изображаемого вырваться из пространства сакрального ковчега к узенькому иконному полю и как-то физически приблизиться к предстоящим. Строго и подчёркнуто-наглядно отделён ковчег, будто обжигая киноварью, опаляя неумеренное желание прильнуть к нему устами. Рассмотрим здесь очень важную деталь, относящуюся уже не сколько в нюансам иконографии, скорее – к иной, дополнительной форме и способу раскрытия символа – а именно – к пояснительному начертанию на иконном поле. Верхняя грань поля имеет две киноварные, ограждающие черты: в лузге и по внешней кромке. Иные внешние кромки полей не очерчены киноварью. Здесь выделен, как особенно значимое за-вершение образа - символ голгофы в центре верхнего поля и надпись: НИКА. Первая часть надписи ІСХС – отделена от символа Голгофы и вынесена в иконный ковчег – прямо к благословляющей деснице Господней. Традиционно надписание иконы вербализует основное содержимое образа,

именует его, нарекает изображённое основным смыслом, утверждает, наконец, что же здесь изображено. Судя по надписанию, на иконе изображён святой Георгий, внятно прообразующий Христа Спасителя. Побеждающий Господь Иисус Христос, сокрушающий врага силою крестных Своих страданий – раскрывается в образе Своего свидетеля – мученика. Причём начертание символа победы силою Господней, как возможно приближенное к предстоящим людям и не приступное молитвенному прикосновению губ откровение – изнесено на иконное поле. В сакральной части – собственно чудо одоления зла силой Господней, прилагаемой через мученика Георгия. Чудесным образом святой - прилагает руку, наделённую Силой Господней, но одолевает и побеждает – Сам Христос. Буквально это внятно означено очертанием Голгофы на верхнем иконном поле.

Как часто встречается в изводах этого образа, находим и в этой иконе причудливое переплетение художественных компоновочных планов изображения. По-видимому - на самый ближний план вблизи нижней стороны ковчега выдвинута фигура змия. Лапы крылатого змия в нижней части иконного ковчега – наиболее близкая к людям часть изображаемого сюжета, буквально опираются на обжигающую алую кайму нижнего поля. Если бы ни эта огненная властная, запретительная грань, лапы змиевы простёрлись к нам. Задние ноги коня выдвинуты на передний план, перед змием, в точке попрания змия и, вместе с тем, нарочито находятся вне пространства фигуры левиафана. Земные горки составляют иное пространство, отделённое и от змия, и от всадника. Более того, пространство горок явственно разделено внутри себя, одна горка от другой. Повторимся, возникает ощущение некоторой искусственной сборки изображения, будто нарочито составленного из разнородных фрагментов и готового развалиться на части, если бы ни собирающая воедино фигура всадника на чёрном коне.

Чёрное копьё – разящий крест Господень, скипетр неодолимый - от креста в левом верхнем углу иконы до острия в правом нижнем – точно по диагонали разделяет пространство ковчега иконы и выходит на передний план изображения, за исключением двух точек: пронзённой пасти змия и руки Георгия, сжимающей древко. Крепкая ладонь сжимает копьё и наносит разящий удар. Заметим, что это достаточно редкий нюанс изображения, обычно рука воина несколько пассивна и скорее молитвенно, даже грациозно воздета к древку копья, которое разит почти что самостоятельно, а усилия всадника как бы вторичны и не явны. Не так в рассматриваемом образе. Фигура воина сосредоточена на наносимом ударе, линия копья точно соответствует направлению напряжённой ноги всадника. Лик Георгия, вполне традиционно для этого образа, внутренне отрешён от битвы, противостояния, подчёркнуто красив с явными греческими античными чертами. Красный киноварный плащ геометрической внешней гранью как бы повторяет форму склона «порфиновой» горки. Цвет плаща святого Георгия соответствует цвету облачения римского воина, содержит символику цвета мученичества и торжества воскресения, победы Господней над смертью. Наглядная деталь – белый узел на груди святого, связывающий концы плаща. Признаюсь в затруднении как-либо внятно объяснить себе и толковать этот символ. Вероятно, можно проследить истоки изображённого – от белой перевязи, отличающей военачальника – трибуна. Впрочем, эта перевязь не касалась связывания плаща, но располагалась на поясе ниже груди. Мы увидим эту деталь в иных изводах образа и попробуем рассуждать об этом символе. В рассматриваемой теперь иконе, столь внятный символ выходит за грани условностей военной формы одежды, принятой во времена

армейской реформы Диоклетиана. Правильнее в иконе рассчитывать на духовное осмысление. Так традиционно белый цвет – цвет преображённой человеческой плоти Христа, цвет чистоты, Рождества и Крещения Господнего. Думается, в нашем случае к этой небольшой детали наиболее близок символизм Преображения плоти, изменения свойств человеческих, обретающих во внутренней связи с мученичеством – свидетельством о Христе – победоносную силу Божью. Так и сам алый мученический плащ святого символизирует восхождение, возрастание духовное вдоль грани «пурпуровой» горки. А белый цвет – будто некое средоточие в верхней части груди Георгия, видимо и символически воспринимающее благословение десницы Господней.

Рассмотрим ещё несколько общие цветовые сочетания, противопоставления и связанные с этим символические смыслы иконы. Вернёмся же к фону и горкам. Увидим уплотнение, сгущение цвета от ясного и светлого – в символе Божественной природы - цвете основного фона, – к более насыщенному, охристо – золотому в левой горке, вместившей логово змиево – к тёмно «порфиновой», на фоне которой и свершается прободение левиафановой пасти. Мы уже заметили некоторую разделённость этих горок на «порфиновую» со стороны Божией – стороны благословляющей десницы и жёлто-золотую – с противоположной стороны. Увидим здесь нарочитый символ противопоставления природы стороны Божией и природы – вместилища змиевой норы. Если принять эсхатологические мотивы образа, повествование иконы о конце света и свершении апокалиптических откровений – распознаем символику в этом видимом разделении тварной природы. «Елико отстоят востóцы от зáпад» - разделение на агнцев и козлищ, на тех, кто с Господом и отвергаемых, посекаемых, принимающих участь плача вечного. Из одной горы – выползает змий, на фоне другой, совершенно отделённой – пронзается глава змиева. Форма главы тёмной «порфиновой» горки как бы противостоит голове и шее коня, обращена навстречу ей почти зеркально отражая, образуя ощущение энергичного противостояния земли и являемого чуда одоления зла в ней. Формва и разворот главы этой горки почти точно соответствует абрису головы змия, - едва ли случайна эта деталь, едва ли устроена из одной только художественной целесообразности. Оставляем за собой право ошибиться в этом понимании. Следуя законам живописи, цвет этой горки поддерживает, уравнивает локальный цвет доспеха святого Георгия, гармонизирует живописное пространство ковчега. Следуя закону духовной отзывчивости – восчувствуем отзыв глубокий сердечного вздыхания от тёмного запада души своей к Востоку востоков, благословляющему наше личное противостояние, личную драму противоборства. Противоборства длящегося, умягчающего сердцевицу нашу страданием и скорбью. Воспомним здесь о соделывающихся так в нас терпении, искусстве противоборства, уповании не посрамляющем. Так и не иначе вливается в сердца Духом Святым – любовь Господня - сила несокрушимо противостоящая и одолевающая.

Змиева нора в золотой охристой горе напоминает по форме стрельчатую башню, устремлённую прямо вверх – не аллюзия ли здесь на известный образ хвоста левиафана, гордо и Богохульно возведённого к небу, как кипарис. Гранями в нижнем и левом ковчега обиталище змиево упирается прямо в границу повала, ограничено красной чертой, определена область змиева, без полагания этого предела – захлеснула бы мир беззащитный, - так прочитываем этот символ. Графично и внятно прочитываются очертания двух светлых треугольников, устремленных в позём, образованных шеей коня и горками. Эти графичные

очертания как бы противо-стоят острию змиевой норы. Хвост конский – направлен к вектору этой тёмной пропасти, будто улавливает, угадывает собою это устремление тёмного пространства - ввысь. Повторимся, важно отметить очевидную символику вживления чёрного проёма жилища змиева внутрь золотисто – охристой светлой горки со стороны пространства иконы, противоположной стороне обитания Бога Живого. От этой стороны движется к Богу, наступает на Бога змий, как бы догоняемый святым Георгием. Георгий тоже движется на восток в сторону Бога, но движется не от запада противолежащего, - пребывает в движении и благословенном ударе руки своей и копья. Змий, ниспавший с неба, вновь пытающийся взойти, взобраться на гору со стороны Бога, уподобиться Богу на земле и занять Его место, восстать на горе «порфиновой». Уже уподоблена форма змиевой главы - форме главы горки «порфиновой» - очень нагляден и внятен символ этот. Благостна и сиятельна светлая горка снаружи, граничит со светом Божественным, но принимает внутрь себя обиталище врага. Безвидное обиталище, не имеющее в себе иного цвета, кроме черни. Здесь распознаём символ ада, тьмы бесместной, не содержащей внутри себя осязаемого пространства и никаких очертаний. Не так в черноте вороного коня, покрытой пробелами, блещущей яростными белками глазниц.

Интересно заметить нарочитое цветовое соотношение, невысказанное без некоторого символического оправдания и объяснения. Цвет ярко – жёлтого золотистого нимба святого Георгия, безусловно, по всем законам живописи должен быть как-то уравновешен подобным цветовым акцентом в композиции образа, чтобы не допустить эстетической разбалансировки всего живописного пространства. И этот цвет уравновешен, - повторён в цвете змиевой головы! Менее явственно – в цвете крыльев и лап чудовища, составляющих как-бы единое целое. Змий своими крыльями, как лапами, пытается отгородиться, отвести от себя удар копья. Части фигуры змия, прописанные этим цветом имеют активные прорисы и разделки чернью. Нимб святого Георгия также отделён чёрной гранью, но в очертании выверенной окружности прорисы нимба воспринимается, как подчёркнутая гармония и акцентированная святость. Так же чёрным цветом отчётливо акцентировано и копьё святого Георгия. Углублённые разделки чернью на фигуре змия, с вкраплениями алого цвета плаща мученика - выглядят вполне зловеще. Воспримем это цветовое решение в изображении змия извивающегося, как продуманный, осознанный и смело проявленный духовной символ ангельской природы, падшей необратимо и не утратившей в падении признаков ангельских. Сама фигура змия зеленовато-серого оттенка в верхних красочных слоях написана почти прозрачной плавью с добавлением белил. Эти формы созданы в технике, отнюдь не свойственной для традиции изображения сугубого зла. Мы видим даже достаточно плотную белильную прорисовку – очерченную снизу контуром черни. Так изображённое противостояние превозносится иконой в сугубо духовное пространство, лишь несколько намеченное живописным символом, в пространство, почти совершенно отъединённое от законов и правил видимого мира.

Проследим ещё направления изображённых взглядов и, как видится, это восполнит понимание внутренних соотношений смыслов иконы и более приоткроет нам некоторое её Богословское осознание. Как упомянул уже прежде, взгляд святого Георгия отрешён, молитвенно сосредоточен и направлен в сторону от предстоящих иконе людей, в иное пространство, отличное от области иконы и связанных с ней предстоящих людей. Змиева пасть раскрыта в сторону Георгия, принимает разящий удар копья, но глаза змия воздеты

горе – к благословляющей деснице, туда же простираются и всполохи пламени адского из пронзённой пасти. Взгляд коня из чёрных зениц в белых всполохах - устремлён прямо в глаза предстоящего человека, прямо в глубины сердечные, противопоставшие и одолевающие змия в сокровенной и дышащей груди своей силою Господней и предстательством святого Мученика и Побдносца Георгия.

ЧУДО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ НА ГОРКАХ РАЗНОЦВЕТНЫХ

Из-под горочки, золотистой такой,
На иконочке, - не зверюга морской, -
Извивается он, поднимая муть,
Вереница имён понакатит жуть.

Свет – Георгие, на коне вороном!
Пали многие над погибельным дном
Превознесшиися всеоружием,
Высоты не снеся, занедужили.

Но не ты – таков, свет – Георгие, брат.
От моих оков, непомерных утрат
Отрешаешь совсем, прободая пасть,
Что из мрачнейших стен всё клеветет всласть.

Одолён тобой, свет – Георгий, молчу,
Лишь утробный вой – к твоему ли мечу.
Отсечёшь ли теперь обуянную...
И захлопнется дверь в даль стеклянную.

Свет – Георгие! – извивается змей, -
Выси строгие уж ему-то - ясней.
Превозносит хулу не моя ли пасть.
В распрекрасном углу мне не дай пропасть.